

[8 сентября 2199 года, город А]

— Ваша разработка — устройство для погружения в кинореальность — полное дерьмо. Даже бродячая собака, зашедшая внутрь, выйдет, шатаясь от тошноты. Я вложил в вас деньги, а вы создали такой мусор?

Цзян Цзибэй скрестил руки на груди, глядя на встревоженные лица на голографическом экране, и на его лице застыло выражение, будто он вот-вот улыбнётся.

Его голос звучал мягко, но в нём неожиданно сквозила насмешка.

Лицо представителя противоположной стороны мгновенно побледнело:

— Генеральный директор Цзян, мы...

— Прежде чем я заберу свои инвестиции, вам лучше показать что-то стоящее.

Цзян Цзибэй перебил его вежливым, но не терпящим возражений тоном и выключил голографический экран.

Он подошёл к панорамному окну и зажёл сигарету.

За окном, в пелене дождя, молчаливо и плотно высились небоскрёбы, словно выросшие из-под земли.

Даже при таком ливне неоновая реклама, используемая сверх всякой меры, и огромные цифровые экраны застывали в дожде, излучая и мерцающий, и режущий глаз свет.

Сейчас был вечерний выпуск новостей, время 21:21, и голографическая проекция в гостиной прервала программу для срочного сообщения.

Этот внезапный кислотный дождь шёл уже двадцать пять дней подряд. Час назад городская спасательная команда снова обнаружила под мостом тела нескольких бездомных. Из-за длительного воздействия кислоты верхний слой кожи на трупах был серьёзно разъеден.

Ведущая новостей сладким голосом напоминала обычным горожанам по возможности не выходить на улицу в кислотный дождь.

Закадычный друг Не Мин подошёл к Цзян Цзибэю с чашкой кофе, взглянул на переполненную окурками пепельницу и невольно приподнял бровь:

— Будешь продолжать курить так много — рано или поздно тебе придётся менять лёгкие на искусственные.

— При нынешних технологиях искусственные лёгкие, возможно, лучший выбор.

Цзян Цзибэй обернулся, и его длинная шея обрисовалась гибкой дугой, похожей на полумесяц. Он небрежно убрал за ухо прядь волнистых, густых золотисто-каштановых волос.

У него было чистое, красивое лицо: брови, словно дальние горы, глаза с изящным внутренним уголком, округлые, с длинными, чуть приподнятыми внешними уголками, с отпечатком женственной яркости.

Однако заметная тяжесть век придавала лицу мужскую резкость и агрессивность. Два контрастных качества сливались в его облике, образуя сдержанную, благородную классическую китайскую красоту.

Помимо благородного и выразительного лица, эту стройную, статную фигуру создавали длинные конечности и красивые мышцы, лежащие между кожей и костями, что делало молодого аристократа похожим на прекрасного, изящного снежного льва.

Цзян Цзибэй был очень похож на свою мать, пропавшую без вести много лет назад.

К несчастью, она исчезла бесследно, когда ему было десять лет. А год назад бесследно пропал и отец, с которым он и так редко общался.

— Брось, это всё последствия чрезмерного технического прогресса. — Не Мин поднял левую руку, указывая чёрным металлическим пальцем на дождливую ночь за окном, и усмехнулся. — Когда песчаная буря встречается с кислотным дождём, этот город начинает заливать грязью.

Цзян Цзибэй тихо усмехнулся, выпустил дым:

— Как тебе новый механический протез руки? Привык?

Протез, который сейчас использовал Не Мин, был выпущен брендом «Фебруус» — первого финансового конгломерата Азии. В нём применялись самые передовые технологии в мире, внутри было установлено более сотни прецизионных контроллеров тактильной обратной связи, что делало его даже более подвижным, чем естественная конечность.

Однако лишь немногие могли позволить себе такую высокую цену. Обычные люди могли купить лишь протезы среднего качества с коротким сроком службы, но и они стоили недешево — «дешевизна» понятие относительное.

— Всё отлично, спасибо тебе. И знаешь, высококлассные протезы от «Феб» и вправду лучше настоящих. — Не Мин подвигал механической рукой. — Кстати, тот проект вроде от «Азиатской кино корпорации»? Ты такой прямолинейный, не боишься обидеть этих киношных боссов?

Цзян Цзибэй безразлично улыбнулся:

— Сейчас каждый норовит урвать кусок в сфере технологий иммерсивного кино. Но вытащить из моего кармана деньги не так-то просто.

— Это уж точно. Кто нынче посмеет легко обидеть босса Цзяна? — Не Мин с восхищением смотрел на этого красивого молодого человека, полного амбиций и таланта.

Как стремительно взошедшая новая звезда киноиндустрии, двадцатилетний Цзян Цзибэй сейчас был в большой моде.

Он родился в семье потомственных деятелей искусства, обладал необычайным талантом к кино и в девятнадцать лет получил главный приз на Азиатском кинофестивале за свой дебютный фильм.

Однако Цзян Цзибэй не стал, как ожидала публика, мастером киноискусства.

Вместо этого он основал «Бэйцзян Филмз» и занялся инвестициями в кинотехнологии и киноиндустрию. Благодаря безошибочному чутью и острой интуиции он быстро превратился в преуспевающего кинобизнесмена.

Красивая внешность, превосходное происхождение, выдающийся талант и смелость — вот весь капитал, дававший ему право на высокомерие.

— Кстати, об отце твоём так ничего и не слышно? — небрежно спросил Не Мин.

Цзян Цзибэй стряхнул пепел и покачал головой.

Он рассеянно бросил взгляд за окно и внезапно заметил, что в дожде летит чёрная точка, которая неуклонно приближается к ним.

— Это что? Дрон? — Не Мин тоже увидел её и быстро подошёл к панорамному окну, потрясённый. — Чёрт, ты видишь? Он... летит прямо к нам?!

Через мгновение дрон уже завис у окна, а под ним было что-то подвешено.

Цзян Цзибэй затушил сигарету, встретился взглядом с камерой на корпусе через стекло:

— Он прилетел что-то доставить.

Он ясно разглядел, что на холодном серебристо-сером металлическом корпусе выгравирована лазерная английская надпись —

«Фебруус».

Не Мин надел перчатки, открыл окно и, осторожно обходя кислотный дождь, снял металлическую коробку, подвешенную под дроном.

Выполнивший задание дрон, описав несколько кругов у панорамного окна, развернулся и полетел обратно сквозь кислотный дождь.

Цзян Цзибэй открыл крышку. Внутри лежали тонкий, как крыло цикады, металлический конверт и кассета с видеозаписью, которую теперь уже редко где встретишь.

Он взял конверт.

«Господину Цзян Цзибэй:

Первый кинофестиваль ужасов „Остров Зеркал“ состоится 9 сентября 2199 года на Острове Зеркал в Бенгальском заливе. Чтобы все зрители могли полностью погрузиться в происходящее, весь фестиваль будет проводиться с использованием самых передовых в мире технологий виртуальной реальности. Мы специально забронировали для вас место зрителя и приглашаем вас стать одним из первых гостей.

Ваши преданные организаторы кинофестиваля „Остров Зеркал“».

— Когда это «Феб» успели заняться кинотехнологиями? — прочитав содержимое конверта, находившийся рядом Не Мин взял кассету и посмотрел на неё. — И кассету какую-то прислали.

— Наверное, рекламный ролик фестиваля. — Цзян Цзибэй посмотрел на конверт и нахмурился.

Он никогда не слышал ни слова об этом так называемом «Кинофестивале „Остров Зеркал“». И «Феб» вот так тихо, не издав ни звука, арендовал целый остров в Южной Азии и занялся устройствами виртуальной реальности.

Цзян Цзибэй вставил кассету в голографический проектор. Шторы с датчиками света медленно

закрылись, свет в комнате тоже погас.

Загорелся тусклый свет, фильм начал проецироваться на стену и проигрываться автоматически.

Это был жесткий фильм ужасов ограниченного показа. Главный герой и его семья стали жертвами маньяка и были вынуждены спастись бегством.

Маньяк в фильме всё время носил реалистичную маску скелета и не показывал лица. Из-за кроваво-красного плаща и косы в руке главный герой прозвал его «Жнецом».

Сюжет хоть и был шаблонным, зато спецэффекты выглядели очень убедительно.

Вместе с объёмным зловещим саундтреком и криками актёров на лица зрителей обрушивались волны искусственной крови — и в этом действительно было что-то жуткое.

Цзян Цзибэй смотрел рассеянно. Он развалился на диване и принялся играть с кулоном на шее.

Это была простая серебряная цепочка с подвеской в форме лампочки из прозрачного материала, внутри которой была запечатана повреждённая микросхема.

Сидевший рядом Не Мин заметил его нетерпение и, повернувшись, спросил:

— Не нравится? Тогда поедешь на этот кинофестиваль?

— Качество рекламного ролика невысокое, видимо, и технология ещё не доросла. Поеду — только время потеряю.

Цзян Цзибэй встал и уже собрался уходить из гостиной, как краем глаза увидел, что Жнец в кадре вдруг снимает маску скелета и показывает лицо.

Один только взгляд — и он оцепенел, в голове словно взорвалось. — Не может быть! Как... это он?!

Не Мин, сидевший на диване, вскочил и, потрясённый, выкрикнул имя:

— Чи Сянь?!

Цзян Цзибэй рванул к голографической проекции, уставился на знакомое лицо, и его тело непроизвольно задрожало.

Молодой человек в проекции был одет в просторный тёмно-красный плащ, в левой руке держал только что снятую маску скелета, в правой, опущенной вдоль тела, — косу, с которой капала кровь.

Одна половина его лица была красивой, а вторая превратилась в гниющую плоть, обнажившую белые кости, из щелей которых проросли и обвилились колючие розы.

Жутко и прекрасно одновременно.

Цзян Цзибэй нерешительно протянул руку, но в тот момент, когда пальцы должны были коснуться изображения, они прошли сквозь пустоту.

Он ошеломлённо посмотрел на свои пальцы, затем поднял голову.

Молодой Жнец стоял на месте, криво усмехнулся Цзян Цзибэю, и на половине бледного, красивого лица проступила жуткая, зловещая улыбка.

— Этот актёр очень похож на Чи Сяня. Нет, это просто Чи Сянь повзрослевший. — Не Мин коснулся подбородка холодным механическим пальцем, вглядываясь в лицо. — Если бы Чи Сянь не погиб...

Он вдруг понял, что сболтнул лишнее, сразу замолчал и тревожно посмотрел на Цзян Цзибэя.

Цзян Цзибэй молчал. Он вытянул левую руку и с силой сжал правое запястье, которое не переставало дрожать.

Это он. Точно Чи Сянь.

Даже если видна лишь половина лица, он узнал бы его с одного взгляда.

Семь лет назад, в день, когда фильм Цзян Цзибэя получил награду, семнадцатилетний Чи Сянь по пути на церемонию вручения попал в теракт с использованием взрывного устройства.

Место происшествия было чудовищным: всё Национальное шоссе 03618 было разрушено взрывом, повсюду лежали обгоревшие обломки и разбросанные части тел.

В той катастрофе Не Мин потерял левую руку, а Чи Сянь, находившийся рядом, сгорел в огне — от него не осталось даже костей.

Полиция прочёсывала место трагедии целых семь дней и в итоге нашла лишь несколько фрагментов тканей тела Чи Сяня и имплантированный в его тело идентификационный чип.

Чип передали Цзян Цзибэй, после чего официально объявили о смерти Чи Сяня.

Спустя некоторое время Цзян Цзибэй пришёл в себя.

— Я передумал, — он потёр переносицу. — На фестиваль я поеду.

— Но кислотный дождь... — Не Мин растерялся. — Ты ведь не из-за этого человека? Он не может быть Чи Сянем, ты же знаешь, Чи Сянь давно мёртв.

Сам он тоже считал, что этот актёр — вылитый Чи Сянь, но никто лучше него не знал, что Чи Сянь никак не мог выжить.

Цзян Цзибэй не ответил.

Он взял конверт и, опустив взгляд, посмотрел на текст.

Не Мин помедлил и снова попытался отговорить:

— Его разнесло на куски. Не то что ты семь лет искал и не нашёл, даже если бы и нашёл какой-нибудь обломок, что бы это изменило?

Цзян Цзибэй сжал конверт в руке.

Он повернулся к окну, глядя на молчаливые, плотные ряды высоток в дожде, и с грустью улыбнулся.

— Даже если останется лишь одна кость, его прах по праву принадлежит мне.

— Я хочу выпить его пепел, чтобы Жнец больше никогда не смог отнять его у меня.

<http://bllate.org/book/21804/2256546>